

ВО СНЕ И НАЯВУ

Сначала он ощутил легкое, прохладное движение воздуха, донесшее на своих волнах слабый миндальный аромат. И только после этого вернулась память.

Воспоминания ожили сразу, хлынули тяжелым неумным потоком, и явь перемешалась с недавними грезами, стало трудно решить, что относится к реальности, а что – просто плод воображения.

Он вздохнул и открыл глаза, скользнул взглядом по густо-фиолетовому небу, подернутому вечерним тающим пурпуром...

-С возвращением, - прошелестел тихий, очень знакомый голос, по которому он, сам того не зная, успел стосковаться. – Приветствую, Атой!

Атой рывком сел, и белое шелковое покрывало соскользнуло с ложа на мраморный пол. Рядом, прямо на холодных плитах, сидела точеная белокожая брюнетка с немного раскосыми, похожими на горящие уголья, глазами. Своей аристократической бледностью и хрупкостью девушка напоминала искусно выполненную фарфоровую статуэтку. Кутаясь в черную атласную сутану, она печально смотрела на него. И Атой смутно припомнил, что этот взгляд всегда остается грустным.

Ах, Изабелла!.. Утонченная волоокая женщина-загадка с шелком черных волос, источающих аромат миндаля...

-Как путешествие? – мягко спросила она тем же шелестящим, с приглушенными интонациями, голосом.

Атой потянулся всем своим ладным, сильным телом, возвращая утраченную со сна гибкость, и окинул ленивым взглядом окрестности. С ответом не спешил.

Они находились на террасе, овеванной призрачным розовато-золотистым светом, который проникал между витых колонн, заросших диким плющом и виноградом. Вид отсюда открывался изумительный: особняк был расположен на скале, и город предстал, как на ладони. А в такие предзакатные часы казался и вовсе игрушечным, даже сказочным...

-Ты спрашиваешь, как путешествие, Изабелла? – расслабленно улыбнулся Атой, снова взглянув на девушку. – Пока не знаю. Все неопределенно... Я не могу припомнить детали... О боги!

Его тон и выражение лица изменились так внезапно, что Изабелла испуганно отшатнулась, невольно схватившись за сердце. Опомившись, положила ладонь ему на колено, всмотрелась в искажившиеся черты.

-Что с тобой, родной? Плохо?

-Нет-нет, но Эльдар... - мужчина закусил губу и снова обернулся к подернутому дымкой пейзажу. – Ах, как же это могло произойти?! Я не мог его убить!

XXX

-Бежать, быстрее бежать! - шептал себе под нос Корр, стремительно лавируя в потоке людей.

Торговые ряды, базарный день – удобное место и время для такого вот беглеца.

Как, как это могло произойти?! Как он мог настолько потерять контроль над собой?!

-О, Тереза... - простонал он, и какая-то полная молодая женщина, закутанная в толстый платок, с испугом и удивлением воззрилась на него, едва не выронив свой глиняный кувшин.

Неужели ее тоже зовут Терезой?.. Находясь на грани истерики, Корр едва удержался от безумного хохота. О, эту грузную особу нельзя и сравнить с миловидной смуглянкой Терезой, его любимой, его единственной... все увлечения прошлых лет – пустое. Только она, она одна имеет для него значение, всегда имела – даже до момента знакомства. И Альберт должен был понять это! Он сам во всем виноват! Он должен был уступить свои права на прекраснейшую из женщин! Хотя какие права?! Все права принадлежат ему, Корру! А тот ничтожный факт, что Тереза считалась чужой невестой... Что ж, ее вынудили обстоятельства дать обещание другому. Она ведь не знала, что встретит свою Судьбу.

И все-таки, какое чудовищное завершение столь чистых отношений! Любовь, страсть и нежность сменились ненавистью, смертью и кровью...

Корр мчался, почти не разбирая дороги, а в памяти, помимо воли, всплывали одна за другой картины недавнего прошлого.

...Вначале он познакомился с Альбертом, они даже почти подружились. Хотя к чему эти словесные выкрутасы?! Совсем не «почти», а очень подружились! Казалось бы, в неполные тридцать лет нового друга найти непросто, а ему удалось. Вернее, такое впечатление сложилось поначалу...

Они впервые встретились в Отряде Смертников – таким интригующим названием именовали особую группу мужчин, личную охрану Хозяина Города. Обратиться в бессловесную тень великого человека – работа, с одной стороны, опасная, с другой же – привилегированная и с высокой оплатой. Да и постоянный привкус смерти – особое наслаждение для людей, не мыслящих пресного существования и жаждущих добавить в каждодневную рутину остроты и перчинки. Именно таким человеком был Корр.

-У Хозяина Города, нашего славного правителя, много врагов, - вкрадчивым тоном вещал Сандро, первый человек в Отряде Смертников. Его обманчиво-мягкий голос и спокойные манеры могли ввести в заблуждение менее искушенных особ, однако Корр с первого взгляда понял – получить подобного врага весьма неразумно. Среднего роста, крепко сбитый, со спутанной гривой черных с проседью волос, некрасивым выразительным лицом и крупным орлиным носом, Сандро напоминал изготовившегося к прыжку хищника.

Отряд Смертников состоял всего из десяти молодых мужчин, каждый из которых являл собою образец силы и выносливости. Корр всегда гордился своими физическими данными – и заслуженно: высокий, статный, с литыми мышцами и пепельными кудрями, он с отрочества пользовался женской благосклонностью. Теперь же его окружали подобные ему эффектные парни, и внимание юных прелестниц поневоле рассеивалось. В первое время Корр относился к данному обстоятельству несколько ревностно, но вскоре смирился и даже подружился с одним из Смертников. А именно – с Альбертом.

Альберт был высок и ладно скроен, а волосы его отливали золотистой рыжиной. Нрав у Смертника оказался веселым, неумным: он громче всех смеялся (или, правильнее выразиться, хохотал), обожал шутить, рассказывать скабрзные истории, и почти все время сиял белозубой улыбкой.

Корр и Альберт быстро приспособились проводить редкие свободные вечера в дешевых тавернах, убивая время за разговорами и вкусным сытным ужином. И хотя много спиртного Смертники позволить себе не могли (избыток хмельных напитков сказывался на качестве работы), парни порою баловались кружечкой-другой недорогого пива.

В один из таких вечеров Корр и услышал о Терезе.

-Знаешь, у меня есть невеста... - признался Альберт за второй кружкой пива, и обычно насмешливое выражение его лица немного смягчилось. – Удивительная девушка.

Корр взглянул на приятеля с невольным интересом. Он никогда прежде не замечал за ним подобных сентиментальных высказываний. Удивительная девушка? Кто бы мог подумать! Однако ничего, кроме иронии и любопытства, мужчина в тот момент не испытал, никакое предчувствие не кольнуло сердце.

-А почему ты время со мной, а не с ней проводишь? – ехидно поинтересовался он.

Альберт вздохнул и, поморщившись, залпом допил оставшееся пиво.

-Семья у нее возражала против наших отношений, - с явной неохотой пояснил он. – Я слишком беден... Вот и решил податься в Смертники. Она обещала ждать меня...

Лицо у Альберта сделалось столь мечтательным, что Корр презрительно фыркнул. До встречи с Терезой все женщины для него делились на две категории: доступные, яркие, свободные, чем-то напоминающие быстрокрылых мотыльков, и скучные серые мыши. Первые страдать из-за себя не давали повода, с ними отношения складывались легко, длились недолго и оставляли приятные воспоминания. Вторые же Корру представлялись скорее бесполоми созданиями, чем настоящими представительницами прекрасной половины человечества. Из-за чего мучиться, когда можно просто получать удовольствие и от жизни, и от женского общества?

Он понял Альберта после первой же встречи с Терезой.

Тем вечером друзья сидели в своей любимой таверне, обменивались ленивыми фразами и ловко управлялись с хорошо прожаренной курицей и тушеными овощами. В воздухе повисли густые винные пары, раздавались захмелевшие голоса и пьяный хохот.... Заведение было из низкопробных, из женщин тут появлялись только совсем падшие, и потому запыхавшаяся девушка, остановившаяся рядом с их столом, показалась ангелом, какими-то неведомыми путями попавшим в ад.

Альберт поблелел и вскочил на ноги, опрокинув стул, а Корр с недоумением разглядывал незнакомку. Ее нельзя было назвать классически красивой, но она обладала чем-то более важным: плещущей через край энергией жизни, обаянием, броской прелестью. Невысокая и фигуристая, с буйной копной тугих кудрей цвета воронова крыла, смуглой кожей и миндалевидными черными глазами, девушка влекла своей безыскусностью. Миловидная особа куталась в вишневую накидку и тяжело дышала.

-Тереза, ты?! – хрипло выкрикнул Альберт, явно ошеломленный встречей. На них поглядывали с ехидным интересом, хорошенькая молодая женщина без яркого грима на лице и одетая скромно, не по здешней моде, не могла не вызвать насмешливого любопытства.

Альберт, из бледного став пунцовым, проворно усадил девушку рядом с собой, а Корр принялся рассматривать ее с еще более жадным вниманием.

Вот, значит, какая она, эта Тереза! Забавно, а он воображал ее совсем иной: юной, тоненькой белокурой барышней с сахарно-белой кожей, сквозь которую просвечивают голубоватые нити вен, и испуганным взглядом синих глаз. Он полагал, что она пуглива и робка, любит поэзию и обожает надуманные романтические идеалы... Конечно, быть может, эта Тереза действительно любит поэзию, но к пугливым и робким ее отнести никак нельзя! Кажется, она горячая и пылкая, обладает незаурядным темпераментом и жаждет познать жизнь во всем ее многогранном обличье.

Корр восхищенно покачал головой, впервые позавидовав другу. Да, за такой невестой можно и побегать...

Альберт сжал тонкое девичье запястье и требовательно, с тревогой спросил:

-Ты что тут делаешь?

Тереза слабо улыбнулась и отвела со лба кучерявую прядь.

-Я видела, как ты вошел сюда! – пояснила она торжествующим тоном, голос у нее оказался глубоким и, пожалуй, слишком низким, однако это лишь придавало смуглянке притягательность.

-Но женщинам сюда не стоит ходить! – с досадой воскликнул Альберт, воровато оглянувшись по сторонам.

Корр с ухмылкой наблюдал за его нервными, дергаными движениями, потом перевел взгляд на Терезу. Удивительно, но она как будто ничуть не смутилась и только возразила:

-Тут много женщин.

-Да посмотри на них, - наклонившись к грязной столешнице, недовольно прошипел Альберт. – Это ведь дамы особого сорта!

Что ж, тут он был прав. «Дамы» действительно относились к особому сорту и, невзирая на разницу в комплекции и возрасте, обладали некоторыми схожими чертами. Во-первых, наряд каждой отличался рискованным декольте, прозрачностью и сумасшедшими вырезами на юбках, позволяющими обозреть разноцветные сетчатые чулки. Во-вторых, губы присутствующих женщин впечатляли сочным неестественно-алым окрасом, лица были чересчур напудрены, буквально выбелены, а веки сверкали неоном, лазурью и перламутром. Волосы тоже привлекали внимание – никаких строгих укладок, только буйство искусственных кудрей, шиньонов, крашенных в блонд либо «огненный рыжий» локонов... Ну, и наконец, манеры, вернее – полное отсутствие таковых. Визгливый смех, грубые словечки, дешевое жеманство... Корр к подобным «леди» относился с некоторой долей брезгливости, предпочитая пускай продажных, но все-таки менее вульгарных «ночных бабочек».

Однако на Терезу «бабочки» произвели другое впечатление. С любопытством и безо всякой робости осмотревшись, девушка доверительно шепнула:

-Они такие яркие! Такие свободные...

-Ты что! – поперхнулся пивом Альберт, приступивший к третьей (и явно лишней) кружке хмельного напитка. – Они же дешевки!

Корр с жалостью и насмешливым презрением смотрел на него. Как же он нервничает, бедняга! И не понимает, какое сокровище его невеста. Она так разительно отличается и от пошловатых кокоток, и от лицемерных благочестивых святош... Она живая, настоящая! А он смущенно ерзает на стуле и беспокойно поглядывает по сторонам...

-Принеси мне попить, - попросила Тереза, сверкнув озорной белозубой улыбкой.

-Чего попить?! – окончательно разозлился Альберт. – Тут подают пиво, вино, ром! Ты что, будешь ром?!

Тереза невозмутимо пожала плечами:

-Может быть, и буду. Я никогда не пила ром. Вдруг мне понравится?

Корр, не выдержав, засмеялся, и Тереза впервые посмотрела на него по-настоящему, а не мельком. В ее выразительных черных глазах вспыхнул лукавый интерес. Альберт же, не заметив этого молчаливого обмена взглядами, продолжал бушевать:

-Ты сошла с ума! Какой ром?! Тебя развезет от первого глотка!

-Какой ты скучный! – капризно процедила Тереза, потрянув головой, и ее буйные кудряшки разметались по плечам. – Если меня развезет – отведешь домой, подумаешь, проблема!

-Как это, подумаешь! – возмутился Альберт. – А что твои родители скажут? Они и так против меня настроены.

Во взгляде Терезы появилось странное чувство сродни разочарованию. Вздохнув, девушка удрученно промолвила:

-Я начинаю думать, что они правы...

Альберт изменился в лице, и Корр решил, что пора вмешаться.

-Слушай, принеси ей мятного чаю и горячих булок с повидлом, - посоветовал он, не дав другу заговорить. И, обращаясь к его насупленной невесте, с улыбкой пояснил: - Булки не бог весть какие, но сладкие и сытные.

Когда Альберт удалился выполнять заказ, Тереза несколько секунд молчала, потом подняла на Корра дерзкий взгляд и весело осведомилась:

-И вы считаете, что я сумасшедшая и легкомысленная?

-Возможно. Но это достоинство. Ты такая яркая и живая! - с удовольствием отозвался Корр.

Девушка горделиво улыбнулась и, украдкой оглянувшись, быстро коснулась его ладони. Парень от неожиданности вздрогнул.

-Жаль, что вы друг Альберта, - тихо сказала необыкновенная брюнетка. – Вы нравитесь мне больше, чем он.

-Ну, и что, что я его друг? – немедленно возразил Корр. – Да и не друг вовсе, а так, знакомый...

-Правда? – задумчиво протянула Тереза, оценивающе глядя на него. – Что ж... что ж...

Именно с этого все и началось...

...Их свидания были редки и скрытны, что придавало коротким встречам особую остроту, разжигая страсть. Корр думал о Терезе слишком часто, милое смуглое личико невесты Альберта постоянно стояло перед его глазами.

-Я не могу бросить его ради тебя! – пылко твердила Тереза, перемежая слова горячими поцелуями.

-Но почему?! – яростно восклицал Корр. – Чем я хуже?!

-Мои родители не поймут! Они не в силах принять мой взгляд на мир! Моя внутренняя свобода покажется им распущенностью! Ты не представляешь, что ждет меня, откройся я им!

И в голосе ее было столько отчаянной мольбы, а во взгляде – боли и страдания, что Корр отступал. Пройдет время – и он придумает, как поступить. Обязательно придумает...

Отношения продлились недолго, завершившись скандалом.

Однажды Альберт застал друга и невесту целующимися за складскими сараями. Яростный окрик, напоминающий звериный рык, огласил округу, и на плечо Корра легла тяжелая ладонь.

-Ты мертвец! – прохрипел Альберт, выхватывая кинжал.

Корр последовал примеру соперника, но из-за неожиданности произошедшего и невольного смятения двигался чересчур медленно, и острое пронзило ему плечо, скользнуло по сгибу локтя... Раздался отчаянный визг Терезы, но времени взглянуть на нее не было. Весь мир сосредоточился сейчас на освирепевшем противнике.

Альберт словно обезумел: скулы покрылись багровыми пятнами, по виску стекала струйка пота, огненная копна растрепалась, а лицо искривилось в болезненно-злой гримасе.

«Это смерть!» - шепнул внутренний голос, и Корр, подначиваемый страхом и азартом, принялся яростно отбивать атаки, а вскоре и сам перешел в наступление.

Корр не понял, как это произошло. Просто Альберт вдруг замер и покачнулся, на лице отразились недоумение и боль. Губы еще шептали проклятия, а жизнь в некогда столь ярких синих глазах уже меркла... И вот былой соперник лежит бездыханно у его ног... Что делать?!

Корр, охваченный отчаянием и растерянностью, вскинул голову и посмотрел на виновницу кровавой драки. Тереза стояла, прислонившись спиной к дощатой стене склада, и прижимала к щекам ладони. В глазах плескался ужас.

-Беги! – выдохнула девушка, поймав взгляд любимого. – Беги немедленно!

Он не двинулся с места, тяжело и прерывисто дыша.

-Но... я не хотел! Я защищался!

-Все равно... - покачала она головой. – Ты убил его... тебя арестуют и повесят...

Повесят! Опомившись, Корр рванулся с места, ловко ввинтившись в людской поток, сердце отбивало оглушительную дробь, а в мыслях звучал сиплый от волнения голос Терезы: повесят... тебя арестуют и повесят...

-Бежать, быстрее бежать! - шептал себе под нос Корр, стремительно лавируя в потоке людей.

Торговые ряды, базарный день – удобное место и время для такого вот беглеца.

Как, как это могло произойти?! Как он мог настолько потерять контроль над собой?!

-О, Тереза... - простонал он, и какая-то полная молодая женщина, закутанная в толстый платок, с испугом и удивлением воззрилась на него, едва не выронив свой глиняный кувшин.

Неужели ее тоже зовут Терезой?.. Находясь на грани истерики, Корр едва удержался от безумного хохота. О, эту грузную особу нельзя и сравнить с миловидной смуглянкой Терезой, его любимой, его единственной... все увлечения прошлых лет – пустое. Только она, она одна имеет для него значение, всегда имела – даже до момента знакомства. И Альберт должен был понять это! Он сам во всем виноват! Он должен был уступить свои права на прекраснейшую из женщин! Хотя какие права?! Все права принадлежат ему, Корру! А тот ничтожный факт, что Тереза считалась чужой невестой... Что ж, ее вынудили обстоятельства дать обещание другому. Она ведь не знала, что встретит свою Судьбу.

И все-таки, какое чудовищное завершение столь чистых отношений! Любовь, страсть и нежность сменились ненавистью, смертью и кровью...

Где-то сзади раздавались крики, кажется, кто-то окликал его по имени, но Корр и не думал останавливаться, зная одно – он не позволит себя поймать, пускай даже ценою собственной жизни.

-Последнее предупреждение! – донеслось до него.

-Плевать я хотел! – процедил сквозь зубы Корр и вдруг ощутил острую боль в левой стороне груди.

«Я не могу бежать...» - недоуменно подумал он, мягко оседая на землю. Тело перестало слушаться, а мысли путались и обгоняли друг друга, смешиваясь с цветными образами прошлого. В последний миг Корру внезапно почудилось, будто он вспоминает что-то, выходящее за пределы жизни, и даже почувствовал слабый запах миндаля...

-Его убили при попытке к бегству, - довольно сказал отец за ужином и ласково потрепал дочь по нежной ладони. - Твой жених отомщен.

Тереза вздрогнула и устремила мертвый взгляд на отца.

-Что с тобой? - удивился тот. - Альберта жаль, но неужели ты его так сильно любила?

-Да! - выдохнула она, не став объяснять, что в этот миг ее мучит известие о смерти не убитого, а убийцы. Сжав кулачки, девушка попыталась выровнять дыхание и спросила, как могла небрежно: - А этот Корр... он точно мертв?...

-О, пускай это тебя не волнует! - усмехнулся отец, жадно отламывая ломоть от буханки хлеба.

Тереза что-то беззвучно пробормотала и вдруг, вскочив на ноги, опрометью кинулась из комнаты. Отец проводил ее недоуменным взглядом и растерянно спросил:

-Что это на нее нашло?

-Иногда ты бываешь поразительно слеп, - печально молвила мать.

XXX

Что он мог сказать? Только «прости»...

-За что прости? - саркастически осведомился Эльдар, повернувшись к нему. - Это только сон, разве нет?

Атой удрученно молчал, и сам не зная ответа на этот вопрос. Да, да, конечно, но в то же время... Да и Эльдар вряд ли верил в истинность своего утверждения - шоколадно-карие глаза друга (бывшего друга?) пылали если не ненавистью, то неприязнью - точно.

-Что молчишь? - повысил голос Эльдар, поднимаясь с мраморной скамьи и пинком ноги отбрасывая в сторону расшитую бисером барханную подушечку. - Отвечай!

-А что я могу ответить? - уныло возразил Атой. - Я не знаю.

Он окинул печальным взглядом балкон. Несколько узких мраморных скамеек, в углах - кадки с диковинными листовыми растениями, на полу - крохотный искусно вышитый коврик. Сердце сжалось при мысли, что и этот ковер, и подушечки вышиты рукою Терезы... Вернее - Аманды. Здесь она - Аманда. Или уже нет? Быть может, Тереза умерла в той неведомой реальности, которая отделяет мир грез от настоящего мира? Но как решить, какой из миров настоящий?

Сомнения отразились на лице Атоя, и Эльдар, крепкий шатен среднего роста с бородкой клинышком, сурово сдвинул густые кустистые брови, по-своему истолковав гримасу друга.

-Убирайся! - коротко велел он хриплым от злости голосом. - Немедленно!

Атой, пожав плечами, повиновался. Да и что он мог сказать?

XXX

Они неторопливо шли вдоль берега. Этот уголок казался воистину райским, далеким от привычных людских страстей: безграничный простор океана, мягкая полоса темно-золотого песка, простирающиеся до горизонта луга...

В час заката это место представлялось еще более волшебным: небо, играя красками, сливалось с водами, травы, напевая своим шелестом собственную мелодию под шепот ветра, меняли оттенок от насыщенного изумрудного до бледного малахита, а воздух наполнился солоноватым запахом... Свобода...

Атой вскинул голову и вдохнул полной грудью, стараясь забыться, отрешиться от неприятностей минувшего дня.

-Это нельзя назвать настоящей проблемой, - продолжил он вслух беседу, немного волнуясь и смущаясь. - Так, ерунда...

-Ничто нельзя назвать настоящей проблемой, - возразил ему тихий голос Наставника.

Атой невольно поморщился. Он уважал своего Учителя и искренне почитал, но некоторые его туманные сентенции и неприменимые к серым будням афоризмы будили порою глухое раздражение.

-Не согласен, - угрюмо бросил ученик. - Бывают настоящие проблемы. Смерть, голод, война...

-Во-первых, война – не проблема, а, скорее, трагедия, - тонко усмехнулся собеседник. - А во-вторых, с точки зрения Вселенной, это тоже ерунда. Сравни космические просторы с бедой отдельной планетки и поймешь масштаб «неприятности».

-С точки зрения Вселенной, может, и так! - окончательно вышел из себя Атой. - Но я-то не Вселенная! Я – человек!

-Ты мог бы ощутить себя целой Вселенной, - мягко возразил Наставник. - Просто тебе дороже иллюзия индивидуальности.

-Конечно, дороже! - запальчиво согласился тот. - Зачем мне быть какой-то вселенной?

-Не знаю, не знаю... может, тебе лично и не к чему... - задумчиво протянул его спутник и вдруг, оживившись, весело добавил: - Но ты пришел поговорить не об индивидуальности и не о Вселенной! Правда?

-Правда, - с облегчением кивнул Атой и искоса взглянул на Учителя.

С виду – обыкновенный человек. Лет сорока, довольно стройный, одет в простой балахон бродячего монаха... аккуратная борода, лицо невыразительное, за исключением глаз – они горят жизнью и какой-то неистовостью... Но к числу обыкновенных этого мужчину отнести никак нельзя!

-Говори, - велел монах. - Я слушаю.

Атой собрался с мыслями и начал:

-Наш народ давно научился использовать сны в качестве способа саморазвития.

-Способ рискованный, но действенный, - заметил Наставник.

-Теперь я понимаю, чем он рискованный... - пробормотал Атой. - А раньше не понимал.

-Мы проживаем жизнь, ее не осознавая, умираем и опять рождаемся, и это чередование жизни и смерти почти бессмысленно, - со вздохом сказал странствующий монах. - Во всяком случае, для многих. Одна жизнь полностью копирует другую, человек ничему не учится, и, в конце концов, растворяется в Разуме Вселенной. Вот это – действительно потеря индивидуальности в любом смысле.

-Да, да – выпалил Атой. - Я слышал это сотню раз и согласен! Но мы нашли способ ускорить собственное развитие! Осознанное сновидение – путь к свободе!

-Не совсем осознанное сновидение, - качнул головой Наставник. - Обыкновенное осознанное сновидение – это просто сон, который ты осознал в его процессе. То есть, еще не проснувшись, понял, что спишь. Только и всего. Здесь же все иначе. Ты засыпаешь в определенное время по определенной методике под строгим контролем специалиста. И проживаешь во сне, который в нашем мире занимает максимум десять часов, целую жизнь. И память об этой жизни сохраняется. И все чувства, страхи, эмоции, которые ты там ощутил, ты переносишь сюда, в привычную реальность. Ты можешь их обдумать, обсудить со своим Учителем, проанализировать... А когда будешь готов – пройти испытание сна. Это дает мощный толчок развитию.

-Все так, - обреченно прошептал Атой. - Но в этих грезах мы встречаемся не только с иллюзорными людьми, созданными нашим воображением. Мы можем встретить души других испытуемых, если можно так выразиться.

-И ты кого-то встретил? - деловито уточнил Наставник, немного помолчав. Атой опустил взгляд и закусил губу.

-Да, - конец выдавил из себя он. - Своего друга Эльдара и его невесту Аманду. В том мире они тоже были невестой и женихом.

-Что ж... такое случается. Но почему ты встревожен?

Как же трудно рассказывать об этом! Атой едва удержал стон.

-Можно ли считать эти сны именно снами? – с болью выговорил ученик. – Можно отнестись к ним с пренебрежением?

-Ты волен распоряжаться своими чувствами, как пожелаешь, - пожал плечами монах. – И относиться, как хочешь, к чему бы то ни было.

О, как он невыносим в своей торжественной снисходительности! Почему бы просто не ответить?!

-А ты просто спроси, - вдруг с улыбкой подсказал Наставник. – Ты задаешь туманные вопросы и получаешь туманные ответы. Спроси прямо и получишь прямой ответ.

-Хорошо, - решительно произнес Атой. – В этом сновидении я вначале влюбился в Аманду, закрутил с нею роман за спиной друга, а потом этого друга, то есть Эльдара (там его звали Альбертом, а меня – Корром) убил. Имею ли я теперь моральное право жить, как раньше? Спокойно смотреть в глаза своей собственной невесте, Изабелле? Изменил ли я ей? Предал ли друга?

-На самом деле ты мог бы отречься от всех этих чувств, которые считаешь любовью, но которые таковою не являются, - очень тихо проговорил Учитель. – Загляни в себя, но не в душу, а гораздо глубже. Там – тишина и безмятежность. Но ты не сумеешь. Ты живешь поверхностными эмоциями, как и большинство людей. А раз так... Это, конечно, было только сном, но если в подобном сне ты чувствовал что-то, значит, и в реальной жизни такое чувство имело место. Просто ты не осознавал его. А сон помог эмоции выбраться наружу. А как с этой эмоцией поступать – решать тебе.

Атоя охватило волнение, он даже остановился, и вынудил тем самым остановиться и Наставника.

-Но ведь выходит, что и Тереза... я хотел сказать, Аманда, чувствует ко мне симпатию? Просто боялась признаться самой себе?

Монах печально смотрел на него.

-Да, так выходит.

-О боже! – радостно выдохнул Атой и, простившись, торопливо ушел.

XXX

...Они молча смотрели друг на друга.

Здесь они выглядели иначе.

Она была не смуглой брюнеткой, а статной рыжеволосой девушкой с веселыми зелеными глазами, а он – не пепельным блондином двухметрового роста, а тоже высоким (но не настолько) изящным мужчиной с непослушной каштановой гривой.

Но разве внешность имеет значение?

Имеет, конечно. Но лишь поначалу. Да и сон вовсе не пробудил их чувства, а только выпустил наружу.

-Корр... - шепнула Аманда и ринулась к нему.

-Тереза! – простонал он и заключил ее в объятия.

XXX

Наставник с грустью прошептал, глядя вслед своему ученику:

-Ты ничего не понял. Да и не хочешь понять... Ты взял из этого сна лишь то, что было выгодно тебе. Так какой от них прок?

Но он не собирался высказывать свое мнение Атою, чьи мысли в данный миг занимала одна Аманда.

Быть может, позднее... быть может...